

употребляется въ законахъ въ такомъ смыслѣ и противопологается ἀλλότριος, чужой вещи (Basil. I. II, tit. III. cap. 61 ἐξέστιν ἐλάχιστῳ τῶν ἴδιον οἶκον ἀναγεῶν, I. XII, tit. I cap. 68 οὐ δύνανται πλέον τοῦ ἴδιου μέρους ὁ κοινωνός ἐκποιεῖν). Но въ Василикахъ встрѣчается ἴδιος и въ примѣненіи къ лицамъ, напр. его должникъ (Basil. I. XI. tit. I cap. 68 ἐγγράφῃ τις ὑπὸ τοῦ ἴδιου χρεώστου), свой братъ (Basil. I. XI, tit. II cap. 27 ἐξεδίκεται τις ἴδιου ἀδελφοῦ κληρονομίαν), свои крестьяне (Basil. I. XXII, tit. I cap. 78 πολλοὶ ἀποδείξεις ποιοῦσιν ἢ γεωργοῖς ἴδιοις περὶ προσόδων ἢ χρεώσταις ἴδιοις περὶ τόκων). Какъ видно изъ источника Василікъ (Cod. J. I. IV, tit. 21 cap. 19) рѣчь идетъ о крѣпостныхъ, которые не были собственностью помѣщика наравнѣ съ рабами. Для правильнаго истолкованія Земледѣльческаго закона очень важно рѣшить вопросъ, можно ли было употреблять терминъ ἴδιος только въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о собственности о δεσποτεία, или также тогда, когда имѣется въ виду только νομὴ владѣніе. Можно признать, что ἴδιος τόπος наряду съ ἴδια μοῖρα въ одной и той же фразѣ въ вышеупомянутой новеллѣ Василія II тавтологія и обычное византийское многословіе, но нельзя отрицать, что крестьянинъ не имѣлъ права отчуждать свою долю безъ согласія своихъ односельчанъ. Выраженіе доля указываетъ на предшествовавшее дѣленіе земли и нисколько не противорѣчитъ тѣмъ порядкамъ, съ которыми знакомитъ насъ Земледѣльческій законъ. Во всякомъ случаѣ не κοινότης, а ἴδιος ἀγρόςъ остается до сихъ поръ загадкой и повидимому нѣтъ препятствій понимать это послѣднее выраженіе и въ смыслѣ собственности и въ смыслѣ владѣнія и пожизненнаго пользованія.

Возражая г. Панченкѣ, г. Мутафчиевъ пришелъ къ выводамъ весьма основательнымъ, и для начинающаго ученаго работа его вполне удовлетворительна.

II. Безобразовъ.

Albert Vogt. *Basile I et la civilisation byzantine à la fin du IX siècle.*
Paris 1908. Стр. XXXII+447. Ц. 7 fr. 50.

Молодой французскій ученый Альберъ Фогтъ, ученикъ Дия, посвятилъ свой первый трудъ царствованію основателя македонской династїи Василія I и проявилъ достаточный практической талантъ и большую для начинающаго эрудицію. Изъ предисловія видно, что автору извѣстны всѣ источники, хроники, юридическіе памятники, переписка, житія святыхъ, и что онъ основательно познакомился съ литературой предмета. Въ длинномъ списокѣ пособій значатся 20 русскихъ работъ, но повидимому Фогтъ читалъ только нѣкоторыя изъ нихъ. Въ дальнѣйшемъ его изложеніи имѣется много ссылокъ на диссертацию проф. Васильева, Скабалановича и Успенскаго, но упомянутыми въ списокѣ сочиненіями Васильевскаго, Лебедева, Сокольскаго и Соколова онъ совсѣмъ не пользовался.

Однимъ изъ недостатковъ молодого автора надо считать то, что онъ впалъ въ нѣсколько панегирической тонъ по отношенію къ Василию I и преувеличиваетъ его значеніе. Заключение его таково: «Когда Василию I захватилъ власть, иконоборческая революція только что окончилась. Она не была, какъ часто думаютъ, простымъ богословскимъ споромъ, даже простой политической борьбой. То была настоящая революція въ одно и тоже время религіозная, политическая и социальная, происшедшая, какъ всѣ великія историческія движенія, изъ идей и реальныхъ потребностей. Къ несчастію эта революція, какъ и многія другія, разрушила старинныя рамки, въ которыхъ двигалось тогдашнее общество, и не сумѣла замѣнить ихъ другими. вмѣсто медленнаго преобразованія она попробовала устроить рѣзкое потрясеніе и этимъ какъ внутри такъ и извнѣ вовлекла имперію въ самыя опасныя приключенія. Поэтому, вступивъ на престолъ Василій вынужденъ былъ воссоединить новый режимъ съ старымъ, возродивъ прежнія традиціи и сохранивъ отъ революціоннаго періода то, что можно и должно было удержать. Вотъ причина, почему онъ возвращался къ образу правленія Юстиніана. Но этого одного было бы еще недостаточно. Революція поддѣлала всѣ административныя колеса, посеяла въ умахъ безпокойство, увеличила повсемѣстно произволь и беззаконія и едва не погубила честь римскаго имени. Не смотря на въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благодѣтельное царствованіе послѣдняго иконоборца Теофила, не смотря на стараніе Теодоры, оставалось сдѣлать еще громадное дѣло. Эту цѣль и преслѣдовалъ Василій. Реформой финансовъ и права, разрѣшеніемъ религіознаго конфликта и строгой администраціей онъ возвратилъ имперіи спокойствіе и благосостояніе, въ которыхъ она нуждалась. Введенной имъ военной организаціей и одержанными имъ побѣдами онъ возстановилъ прежній внѣшній престижъ Византіи. Толчкомъ, даннымъ имъ развитію искусства, онъ прибавилъ новое звено къ цѣпи, соединяющей античную цивилизацію съ новой».

Роль Василя I преувеличена Фогтомъ и названіе преобразователя едва-ли подходитъ къ этому императору. Панегирической тонъ явился у автора потому, что онъ слишкомъ довѣрялъ біографіи Василя, написанной его внукомъ, Константиномъ Багрянороднымъ, и вошедшей въ хронику такъ называемаго продолжателя Теофана. Во введеніи Фогтъ справедливо замѣчаетъ, что сочиненіе Константина Багрянороднаго надо читать съ осторожностью, даже съ недоувѣріемъ. Авторъ, говоритъ онъ, конечно, хорошо освѣдомленъ, но біографія его панегирикъ, хвалебный гимнъ во славу дѣда. Тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи Фогтъ поддается самъ панегирическому тону источника. «Всѣ тѣ, которые раньше служили Василию, пишетъ онъ, всѣ, кто выказывалъ ему привязанность, могли быть увѣрены, что онъ ихъ не забудетъ, и соблюденіе справедливости по отношенію ко всѣмъ, особенно по отношенію къ бѣднымъ и маленькимъ людямъ, стало закономъ, исполненіе котораго онъ требовалъ отъ всѣхъ чиновниковъ, какъ лучшее средство сдѣлать людей

счастливыми. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго притѣсненія, ни малѣйшей несправедливости. Соблюдая справедливость, говоритъ онъ, монархъ приобрѣтаетъ сразу два преимущества, онъ ограждаетъ себя отъ клеветы и своимъ примѣромъ дѣлаетъ людей добродѣтельными (стр. 49).

Послѣдняя фраза взята авторомъ изъ завѣщанія Василя, въ которомъ онъ даетъ своему сыну Льву разные нравственные совѣты. Во введеніи авторъ называетъ завѣщаніе произведеніемъ ученаго льстеца и высказываетъ предположеніе, что оно было написано Фотіемъ. А въ своемъ изложеніи онъ относитъ высокодобродѣтельные совѣты, которые по просту извлекались изъ разныхъ литературныхъ источниковъ, къ самому императору и къ его личнымъ качествамъ, вслѣдствіе чего еще усиливается панегирической тонъ. Завѣщаніе Василя вмѣстѣ съ нѣкоторыми статьями Эпанагоги, имѣющими скорѣе нравственный смыслъ, чѣмъ юридическое значеніе, могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для опредѣленія идеала царя по византійскимъ понятіямъ, но никакъ не реальной личности императора Василя, какъ думаетъ авторъ. Очень полезной оказалась бы Фогту статья проф. Сокольскаго объ Эпанагогѣ (Визант. Врем. т. I), если бы онъ не только привелъ ее въ своемъ перечнѣ, но и дѣйствительно воспользовался бы ею.

Къ достоинствамъ труда Фогта принадлежитъ и то, что онъ всего болѣе вниманія обратилъ на внутреннюю исторію Византіи. Исторію войнъ, вѣданныхъ Василиемъ I, онъ излагаетъ кратко и почти исключительно по книгѣ Гэ (*Gay. L' Italie méridionale et l'empire byzantin*) и диссертациамъ проф. Васильева. Въ спорномъ вопросѣ о происхожденіи основателя македонской династіи онъ нѣсколько расходится съ проф. Васильевымъ; полагая, что Василий I происходилъ изъ армянскаго ославянившася семейства ¹⁾. Фогтъ подробно излагаетъ положеніе церкви, финансовыя реформы, систему управленія центральную и провинціальную, законодательство

1) А. А. Васильевъ въ своей статьѣ о происхожденіи Василя Македонянина (Визант. Врем. т. XII) пришелъ къ такимъ выводамъ: Василий происходилъ отъ армянъ, поселенныхъ въ Македоніи. Свѣдѣнія, сообщаемыя арабскими писателями, даютъ возможность сдѣлать два предположенія: арабы могли весьма легко изъ слова македонецъ сдѣлать славянина, тогда славянинъ у арабовъ равнялся бы македонцу или жителю Македоніи, т. е. въ данномъ случаѣ армянину, поселенному въ Македоніи, или дѣйствительно Василий происходилъ отъ смѣшаннаго союза армянина и славянки. Мимоходомъ проф. Васильевъ уличилъ меня въ неудачномъ переводѣ одной фразы Герцберга. Въ переведенной мной Исторіи Византіи Герцберга напечатано: Василий происходилъ изъ греческаго славянскаго семейства. Переводъ не только неудачный, но даже совершенно нелѣпый. Я перевелъ буквально какъ у Герцберга: Василий происходилъ изъ огреченнаго славянскаго семейства (*einer gräcisirten Slawenfamilie*). Но такъ какъ въ то время столицы были мнѣ недоступны, я не могъ читать корректуры самъ, а корректуру слово огреченный показалось страннымъ и онъ неудачно исправилъ его. Когда книга поступила въ продажу, я обратилъ вниманіе на корректорскій промахъ, но утѣшался мыслью, что ученые сейчасъ же замѣтятъ явную опечатку.

Василія I. Но въ своемъ стремленіи дать возможно полный очеркъ внутренняго состоянія имперіи, авторъ выходитъ за предѣлы царствованія Василія и нарушаетъ границы монографіи. О чинахъ, должностяхъ и приказахъ говоритъ онъ почти исключительно на основаніи византійскаго церемоніала, составленнаго при Константинѣ Багрянородномъ, о еемахъ на основаніи сочиненія Константина Багрянороднаго, о торговлѣ на основаніи такъ называемой книги эпарха, написанной при Львѣ VI. Всѣ эти источники появились позже царствованія Василія I. Византійская табель о рангахъ не была установлена сразу, она постепенно видоизмѣнялась и во II-мъ вѣкѣ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ чины, не отмѣченные въ церемоніалѣ X-го вѣка, а въ XII-мъ вѣкѣ такіе, которыхъ не зналъ XI-й вѣкъ. Видоизмѣнялись и еемы, и строго говоря, чтобы примѣнять позднѣйшіе источники ко времени Василія I, слѣдовало бы предварительно установить, когда появились тѣ или иные административные, придворные и торговые порядки, тѣ или иные еемы и только послѣ этой предварительной работы пользоваться хронологически опредѣленнымъ матеріаломъ. Такъ какъ сдѣлать это очень трудно, а для начинающаго ученаго совѣтъ невозможно, возникаетъ принципиальный вопросъ, въ какихъ рамкахъ долженъ держаться авторъ исторической монографіи? Молодые французскіе ученые очень часто выбираютъ для своего изслѣдованія одно какое-нибудь царствованіе и несомнѣнно, что такія темы всего доступнѣе для начинающихъ. Представимъ себѣ, что другіе изслѣдователи возьмутся за царствованія Льва VI и Константина VII. Они неминуемо должны будутъ повторить значительную часть сочиненія Фогта, заняться книгой эпарха и представить картину внутренняго состоянія византійской имперіи на основаніи церемоніала и сочиненій Константина Багрянороднаго. Не занимаясь происхожденіемъ такихъ источниковъ, какъ *De Ceremoniis* или *De thematibus*, мы можемъ сказать только, что свѣдѣнія въ нихъ сообщенныя относятся къ серединѣ X-го вѣка, а не къ концу IX-го вѣка. Послѣдній отдѣлъ книги Фогта, гдѣ рѣчь идетъ о положеніи крестьянъ, торговлѣ и о византійскомъ искусствѣ, смѣло могъ быть опущенъ авторомъ. Всѣ эти вопросы не могутъ быть рассмотрѣны въ узкихъ рамкахъ одного царствованія и желая представить положеніе крѣпостныхъ напр. Фогту пришлось за неимѣніемъ другого матеріала позаимствовать кое-что изъ исторіи византійскаго права Цахаріэ фонъ Лингентала, т. е. воспользоваться безъ всякой критики самыми слабыми страницами знаменитаго ученаго.

Если авторъ исторической монографіи имѣетъ полное право отбросить источники, выходящіе за предѣлы избраннаго имъ времени, онъ съ другой стороны обязанъ исчерпать весь тотъ матеріалъ, который прямо относится къ его задачѣ. Фогтъ не вполне выполнилъ свою обязанность. Такъ напр. онъ не замѣтилъ, что въ церемоніалѣ Константина Багрянороднаго имѣется отдѣльная глава о возвращеніи императора Василія изъ похода (*De Ceremon. I, 498. 'H ἀπὸ τοῦ φορσάτου μετὰ νίκης ἐπάνοδος*

Βασιλείου τοῦ φιλοχρίστου βασιλέως). Объ Эпанагогѣ, изданной Василиемъ I, онъ сообщилъ свѣдѣнія совершенно недостаточныя. Онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ гражданскіе законы, имѣющіеся въ этомъ памятникѣ и занимающіе (по изданію Цахаріэ) 117 страницъ. Изъ книги Фогта мы не узнаемъ, сдѣланы ли были Василиемъ I какія нибудь нововведенія въ гражданскомъ правѣ или вѣтъ?

Само собою разумѣется, что въ изслѣдованіи молодого ученаго встрѣчаются и недосмотры. Фогтъ говоритъ, что въ царствованіе Василія сенатъ имѣлъ право контролировать финансы и расходы двора (стр. 9). Въ дѣйствительности же сенатъ, какъ учрежденіе оффиціально отмѣненный при Львѣ VI, въ то время фактически уже не существовалъ. По недоразумѣнію авторъ сообщаетъ, будто чинъ анѣпата давался почти исключительно военнымъ (стр. 70), въ церемоніалѣ упомянуто не мало лицъ, занимавшихъ гражданскія должности и носившихъ этотъ чинъ. На основаніи De Ceremoniis авторъ насчитываетъ десять приказовъ (стр. 95), тогда какъ въ Церемоніалѣ прямо сказано, что ихъ было двѣнадцать (De Ceremon. II, 715). Логоуетъ дрома не былъ премьеромъ (стр. 165), а соотвѣтствовалъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ и начальнику почтъ. Въ число оемъ Фогтъ помѣщаетъ и Селевкію, замѣчая, что она не упоминается въ книгѣ De Ceremoniis и что о ней говорятъ только арабскіе писатели (стр. 181). Авторъ не обратилъ вниманія на то, что точныя свѣдѣнія объ этой оемѣ сообщаетъ Константинъ Багрянородный въ сочиненіи De Thematibus. Селевкія, говоритъ онъ, прежде не была оемой, а была только клисурой и укрѣпленнымъ пунктомъ для защиты отъ сарацынскихъ набѣговъ, царь Романъ (920—944 г.) сдѣлалъ ее оемой, управляемой стратигомъ (De Them. I, 35). Въ Церемоніалѣ разъ упоминается стратигъ Селевкіи (I. 445). Говоря о оемахъ Фогтъ собиралъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ намъ стратигахъ, но пропустилъ упомянутыхъ у продолжателя Теофана стратига Θρακίи и Македоніи Льва Апостиппа (р. 305), стратига Эллады Иніата (р. 298), стратига Пелопонниса Іоанна Критика (р. 303). Не вѣрно (стр. 200) будто въ каждой оемѣ находился чиновникъ, принимавшій прошенія ὁ ἐπὶ δεήσεων; это былъ сановникъ, завѣдывавшій въ столицѣ прошеніями на высочайшее имя подаваемыми.

Подобныхъ недосмотровъ немного, и книга молодого французскаго ученаго заслуживаетъ полнаго одобренія.

II. Безобразовъ.

Ἑλληνικὰ κείμενα χρήσιμα τῇ ἱστορίᾳ τῆς Ῥωμανίας συλλεγόμενα καὶ ἐκδιδόμενα μετὰ προλόγου καὶ πίνακος ὀνομαστικοῦ ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραιμέως. Ἐν Βουκουρεστίῳ. 1909 (45—+ 619 стрр.).

Въ этомъ фоліантѣ, изданномъ иждивеніемъ румынскихъ министерства просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ и академіи, неутомимый изслѣдователь и издатель византійскихъ и позднѣйшихъ греческихъ текстовъ